

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОНИМНОГО ПРОСТРАНСТВА В МАЛОЙ ПРОЗЕ А. ГРИНА

Вопрос о том, почему то или иное слово имеет именно такую звуковую форму, для современных носителей языка является несущественным, однако проблема объективно-личностного характера восприятия звукового символа — связь между формой и содержанием слова представляет довольно широкий пласт для научных изысканий. Этим занимается сравнительно молодая наука — фоносемантика. Область практического применения результатов, полученных в ходе фоносемантических исследований, широка. В данной работе мы рассматриваем имена собственные с позиций звукосимволизма и сравниваем их значение с континуумом художественного текста (на примере одного рассказа А. Грина «Гараська и его сын»).

В современной лингвистике принято различать три основных вида значения: лексическое, словообразовательное и грамматическое. Единица фонетического уровня, который находится ниже, как принято считать, не обладает семантикой. Однако, рассматривая язык как универсальную коммуникативную систему, А. Г. Спиркин высказал мысль, что «...для нас теперь вопрос о том, почему тот или иной предмет называется тем, а не иным словом, кажется, не имеет смысла. Мы не усматриваем в соотношении наименования и наименованного необходимой связи. А между тем этимологический анализ слов убеждает нас в том, что наименования предметов носят вполне мотивированный характер» [8, с.27]

Таким образом, исследуя классификацию значений по уровневой принадлежности, мы не можем обойти вопрос о том, существует ли значение, соответствующее единицам языка, меньшим, чем морфема, т.е. существует ли так называемое фонетическое значение — информация, связанная непосредственно со звуками данного языка. Так, фонетическая мотивированность позволяет показать, что слова часто обладают обусловленными экстра- и интралингвистическими факторами звуковой формой. Обычно к этому типу относят лишь случаи звукоподражания. Например, слова «кукушка», «хрюкать», «стучать» [1].

Но всё же особый интерес представляет предполагаемое соответствие между значением слова и его звуковой формой. Эта способность объясняется значительной ролью в жизни сформировавшегося человека предметов и явлений, связанных с различными звуками. Например, раскаты грома, грохот извергающегося вулкана, шипения змей закрепили на подсознательном уровне отрицательную оценку для низких, грохочущих или шипящих звуков. Напротив, высокие, чистые, мелодичные звуки сопровождали явления, безопасные для людей, и поэтому получили положительную оценку. Этот процесс наблюдался на ранних этапах формирования языка, тогда как с историческим развитием черты сходства знаков с обозначаемыми ими предметами приобрели схематический и символический характер.

При обсуждении семантики звука возникает вопрос о её носителе. В исследовании по фоносемантике считается само собой разумеющимся, что в роли носителя фонетического значения выступает звук. Однако он становится для говорящего четко осознанной психологической реальностью лишь после знакомства с буквами. До этого времени отдельные звуки, особенно согласные, в речевом потоке не только не осознаются, но и не вычлениаются. Таким образом, по мнению А. П. Журавлёва, носителем фонетического значения является звукобуквенный психический образ [5, с.48], который формируется под воздействием звуков речи, но осознаётся и четко закрепляется лишь под влиянием буквы. Основы фоносемантики были заложены еще Платоном и Аристотелем [7], но это были лишь зачатки научной дисциплины, и после длительного забвения

исследования возобновились лишь в XX веке в зарубежной лингвистике. Среди первых работ следует отметить труды Э. Сепира [10], М. Майрона [9] и другие, годом рождения отечественной фоносемантики можно считать 1982-й — время выхода в свет монографии С. В. Воронина «Основы фоносемантики», в которой автор впервые называет фоносемантику научной дисциплиной интегративного, «стыкового» характера, изучающей междисциплинарный объект — связь между звуком и значением слова на основе системного подхода [1]. Следовательно, как самостоятельная наука фоносемантика имеет объект — звукоизобразительную систему языка и предмет — звукоизобразительную систему в пантопохронии (пантопия+ панхрония = два подхода к исследованию фоносемантических явлений с позиции пространства и времени в синхроническом, диахроническом и генетическом аспектах). Однако ценность любой науки заключается в её практическом применении. Что мы и попытаемся продемонстрировать на примерах функционирования имён собственных в произведениях А. Грина.

В творческой практике этого писателя особого внимания заслуживает соотносительная контекстуальность внешних и внутренних стилистических особенностей, которые присущи только ему. Постоянной, не меняющейся стилемой в контексте А. Грина, как показывают наблюдения, является «впечатление» [4, с.142]. Автор, используя необычные, созданные интуитивно имена собственные, пытается вызвать у читателя определенное впечатление, представления о персонаже. Ведь основную часть гриновских имён составляют те, где на первое место выдвигается звучание, что подтверждается воспоминаниями его брата Н. Н. Грина: «Для Александра Степановича в имени человека было важно музыкальное ощущение. В придуманном, необычно звучащем имени для него всегда таится внутренний образ человека» [3, с.332]. Для подтверждения того, что имена собственные действительно имеют такое значение, которое соответствует поведению героя в тексте, мы исследовали их с помощью фоносемантического анализа. При этом значение слова было охарактеризовано посредством признаков, которые задают измерительные шкалы. Мы использовали шкалу, разработанную А. П. Журавлёвым [5], и характеризующие качественные характеристики каждого звука нашего языка, а именно — их восприятие по 25 шкалам: хороший — плохой, красивый — отталкивающий, радостный — печальный, светлый — тёмный, лёгкий — тяжелый и т.д. По этим шкалам всем звукам русской речи соответствует определённая оценка. В свою очередь, качественные фоносемантические шкалы позволяют правильно оценить влияние определённого набора звуков на психическое состояние человека. Характеристика содержательности звуковой формы слова не является значимой без сопоставления с основными семами данного денотата. В данной работе мы сравнили оценки, полученные при анализе, с характером и поведением героя в художественном тексте.

Для примера рассмотрим рассказ А. Грина «Гранька и его сын». Антропонимы этого произведения интересны тем, что они связаны с другими лингвистическими и экстралингвистическими средствами письма, с общей концепцией самих персонажей и представляют собой содержательные и меткие детали в художественной системе. Также следует отметить, что в зависимости от той идеи, которую автор хотел донести до читателя, он выбирает тот или иной звуковой вариант одного имени. Имя главного героя Гранька при фоносемантическом анализе получило следующие признаки: «мужественный», «угловатый», «грубый», «подвижный», «сильный» и «быстрый». Данные семы находят свою актуализацию и в тексте. Гранька вовсе не молодой человек, «...как можно было бы думать по уменьшительному его имени» [2, с.291], а старик, который уже 20 лет живёт сам, так как его бросил сын. Именно одиночество сделало его «грубым» и «угловатым», но по своей натуре Гранька трудолюбивый и активный, он не отчаивается, а сам ловит и продаёт рыбу, зарабатывая таким способом себе на жизнь, поэтому в характеристике его имени возникают такие признаки: «подвижный», «сильный», «быстрый». Сын Граньки Михаил относится к отцу с любовью. При этом антропонимическая парадигма имени главного персонажа дополняется следующими вариантами:

бать и тятя. При анализе эти слова получили такие признаки: Тятя — «красивый», «нежный», «лёгкий». Так называет Граньку Михаил, будучи двенадцатилетним мальчиком, который решил покинуть родной дом и отца: «С тобой либо пропасть, либо чертей тешить, не обессудь, тятя!» [2, с.291]. Обращаясь так к отцу, сын хочет загладить свою вину перед ним и поэтому фоносемантические оценки этого варианта имени лишь положительные. Батей же Михаил называет Граньку 20 лет спустя: «Батя жив, ай нет?» [2, с.294], при этом признаки, полученные в ходе звукосимволического анализа этого имени следующие: «могучий», «яркий», «сильный», «подвижный» и «красивый». Такая номинация обусловлена желанием высказать глубокое уважение к отцу. Однако когда сын сообщает Граньке о том, что хочет снова жить с ним, то называет его тятей: «Жить буду у тебя, тятя...не прогонишь?» [2, с.296]. Таким образом, Михаил снова становится двенадцатилетним мальчиком, которому стыдно за свой поступок. В обоих вариантах номинации отца, которые использует в речи Михаил, встречается общая сема «красивый». Что свидетельствует о восприятии сыном Граньки как гармоничной личности, с красивой душой.

Само имя Михаил в тексте также функционирует в нескольких вариантах, в зависимости от душевного состояния того, кто о нём говорит. Например, Агафьин (друг Граньки) видит в Михайле не раскаявшегося сына, а прежде всего состоятельного человека. Так как фоносемантические оценки имени Агафьин только отрицательные: «низменный», «маленький», «плохой», «пассивный», то он соответственно ищет лишь выгоду в приезде сына друга. При этом Михайло даёт ему рубль на чай, поэтому для Агафьина он скорее всего не просто добрый, а щедрый. В другом ключе и с иной семантической и идейной установкой употребляется такой вариант имени этого персонажа, как Михаил. Таким образом называет сам автор героя до того момента, как читатель не узнаёт о намерении сына жить с отцом (после этого автор становится на позицию отца и использует номинацию Мишка). Это имя с позиций звуко-символизма охарактеризовано как положительно — «добрый», «нежный», «женственный», «безопасный», так и негативно — «медлительный» и «хилый». Ведь несмотря на то, что Михаил любит отца, он всё же поступил нерассудительно, а может, и жестоко, покинув его на произвол судьбы и долгое время не вспоминая. Его нельзя назвать сильным человеком, который готов бороться с жизненными неудачами, поэтому возникает сема «хилый». Но сам автор в определённой степени оправдывает поступок сына. Ведь Михаил пытался повернуть свою жизнь в лучшую сторону. Сначала он работает в парикмахерской Костанжогло. Такое экзотическое название влечёт героя и вселяет ему надежду. Но фоносемантическая характеристика этого топонима — «грубый», и поэтому нежная натура Михаила (о чем свидетельствует повторяющаяся сема «нежный» во всех вариантах данного имени) не выдержала натиска этой грубости. Сам отец же называет своего сына Мишкой. Фоносемантические оценки этого вида номинации такие: «женственный», «добрый», «нежный», «безопасный», свидетельствующие о том, что, несмотря ни на что, Гранька любит своего сына и для него он навсегда останется хорошим и добрым. Следовательно, многовариантная парадигма в данном рассказе выполняет функцию распределения определённой идейной и смысловой нагрузки, которая содержится в том или ином варианте одного имени собственного.

Таким образом, исследовав имена собственные в этом рассказе, мы можем сделать вывод, что А. Грин создавал новые антропонимы для реализации определённых целей. Носители этих имён в тексте отражают мысли и идеи автора, а само имя является концентратом характеристик героя, состояния его души. В данном случае имя — это определённый ярлык, на котором информация представлена в виде символа. Читатель знакомится с действующим лицом в произведениях, прежде всего через его имя, и при этом звуковой облик воспринимается нашим подсознанием и формируется представление об этом персонаже. Эту мысль удачно подчеркнул С. И. Зинин, указав на то, что «в текстах произведений А. Грина можно встретить много примеров, подчеркивающих какую-то скрытую магию звучания имени, когда оно уподобляется заклинанию» [6, с.437].

Талант А. Грина заключается в том, что благодаря тонкому ощущению языка он создаёт новые, необычные имена для своих героев, но они как нельзя лучше соответствуют их внутреннему миру. Результаты нашего исследования подтвердили, что имена собственные в рассказах А. Грина обладают фоносемантическим потенциалом. Следовательно, просчитав звукосемантическое значение точно подобранных имён, можно прогнозировать весь текст. Одно лишь имя может помочь нам сформулировать представление о характере, манере поведения героя.

Литература

1. Воронин С. В. Основы фоносемантики / С. В. Воронин. — Л.: Наука, 1982. — 249 с.
2. Грин А. С. Собр. соч. в 6-ти т. — Т. 2. — М., 1965. — 482 с.
3. Грин Н. Н. Воспоминания об А. Грине / Н. Н. Грин. — Л.: Наука, 1972. — 432 с.
4. Джилкибаев Б. М. О внешних стилистических чертах контекста Александра Грина / Б. М. Джилкибаев // Актуальные проблемы современной филологии. — М.: Свет, 1994. — Вып. 5. — С. 120–134.
5. Журавлёв А. П. Фонетическое значение / А. П. Журавлёв. — Л., 1974. — 160 с.
6. Зинин С. И. Антропонимический мир Гринландии / С. И. Зинин // Восточно-славянская ономастика. — М.: Де-Конт, 1972. — С. 430–441.
7. Платон. Собр. соч. в 3-х т. — Т. 1 / Платон — М. — 1968. — 478 с.
8. Спиркин А. Г. Происхождение языка и его роль в формировании мышления / А. Г. Спиркин // Мышление и язык. — М.: Каро, 1957. — С. 24–33
9. Miron M. S. Across linguistic investigation of phon. symb. / J. abnorm. soc. Psychol., 1961. P. — 296.
10. Sapir E. A Study in phonetic symbolism // Experim. Psychol., 1929. № 3. P. 43–58.